

Предлагаем вашему вниманию 20-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

28 швата 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

«Изливающийся источник»

Наша квартира выходила прямо на улицу, никаких ворот, которые хоть как-то закрывали бы обзор, не было, так что все могли видеть, кто к нам заходит (тем более что большинство проходящих были с бородами и сразу бросались в глаза). Жара стояла невыносимая, но достаточно часто, как только к вечеру в доме становилось «прохладнее» (точнее, температура понижалась на несколько градусов), мы закрывали ставни, чтобы избежать взглядов проходящих по улице людей. А с наступлением темноты все рассаживались во дворе, кто на чем, так как стульев на всех не хватало, и кому-то — как правило, тем, кто был помоложе — приходилось устраиваться на траве. Чтобы передать вам, каким удовольствием для всех было такое времяпрепровождение, у меня просто не хватит слов!

Муж был сильно истощен, лицо его было какого-то странного бледного цвета. Но когда он говорил с собиравшимися у нас людьми, это был самый настоящий «изливающийся источник» красноречия. В эти моменты он выглядел как совершенно здоровый человек, и голос его был настолько громкий и сильный, словно обо всех своих болезнях и несчастьях он позабыл!

В тех условиях и слушатели, и *маштия*¹⁹² могли дорого заплатить за подобные «посиделки». Гости часто уходили от нас в страхе, и в страхе же мы оставались дома. Каждый шорох, который раздавался, заставлял всех встрепнуться: не идет ли кто?.. Но все это не могло помешать тому, чтобы на следующий день или через пару дней те же люди снова собрались в нашем доме.

Так проходило время. Каждый день у нас бывали новые знакомые, среди которых большинство составляли эвакуированные евреи с Украины, из Белоруссии, Москвы и Ленинграда. Мы жили на окраине, достаточно далеко от центров общинной жизни, но из каждой синагоги города к нам присылали делегатов с приглашением помолиться, а если нет — то хотя бы время от времени проводить у них уроки или просто выступить перед общиной. Кто-то из алма-тинских евреев заботился и о материальной стороне нашей жизни, стараясь обеспечивать нас всем, в чем мы нуждались. Все это делалось с таким уважением, которое нам редко доводилось испытывать. Я даже представить себе не могла, какое место занимает мой муж в глазах этих людей и насколько высоко они его ценят!

¹⁹² Дословно — «вливающий», «дающий». Так назывались наставники в хабдских *ешивах*.

Однако одновременно со всеми этими положительными изменениями в нашей жизни продолжала, увы, прогрессировать болезнь мужа. Дух по-прежнему был крепок, но не тело. К нему приглашали врачей, лечение не помогало, и состояние его здоровья постепенно ухудшалось. Даже на то, чтобы ходить, у него не всегда хватало сил, так что в синагоги, куда его приглашали, он так и не попал. Вообще, за все время, проведенное в Алма-Ате, он так ни разу и не выбрался в город...

Слова Торы — более двух часов подряд

Вскоре после переезда в Алма-Ату у одного из наших добрых друзей состоялась *брис мило*, на которую было приглашено множество людей из самых разных кругов. Родители ребенка попросили, чтобы мой муж тоже был их гостем.

Пришло значительно больше людей, чем было разослано приглашений, причем люди собрались разные: не только религиозные, но и «светские», не утратившие, тем не менее, связей с еврейством, — ученые, торговцы и даже сотрудники государственных учреждений (к перечисленным категориям принадлежало большинство алма-атинских евреев).

Муж мой, как я писала, был уже очень слаб, но это не помешало ему произносить слова Торы более двух часов подряд, без перерыва. На светских слушателей его выступление произвело особое впечатление — они не могли понять, откуда у религиозного человека, раввина, такие глубокие познания в самых разных областях! Там были, к примеру, двое математиков, которые стали задавать ему вопросы по исчислению и были, по их собственным словам, «шокированы» его ответами.

Но самое главное то, что мой муж произносил там *хсидус*. Среди гостей было несколько человек из *анаши*¹⁹³, и один из них сказал ему: нужно говорить больше про *авойду*, а не только про *ѓасколу*¹⁹⁴.

«Глотая» его объяснения

Надо сказать, были времена, когда мой муж сталкивался с определенной «оппозицией» по поводу того, как именно следует произносить слова *хсидус*. Одни говорили, что он слишком много внимания уделяет каббале, другие, что слишком много *ѓасколы*... Я в этом не особо разбираюсь, но не раз видела, как разные люди

¹⁹³ Аббревиатура выражения *анишей шломейну* — буквально «люди, которые в мире с нами». Так в хабадских источниках называют хасидов Хабада.

¹⁹⁴ *Авойда* и *ѓаскола* — в хасидизме два основных направления служения: сердцем и разумом.

приходили к нему со своими бесконечными претензиями. В большинстве случаев критикующим просто не хватало сил разобраться в том, что он говорил на своих уроках. Были, однако, те немногие, кто считал, что им есть что сказать как по поводу учения хасидизма, так и по поводу авторитета, которым мой муж пользовался в общине. Более того, предварительно они запасались «материалами», которые, как они считали, подтверждают их претензии. Но спустя несколько минут разговора с ним эти люди оказывались в состоянии абсолютного *битуля*¹⁹⁵, не в силах, как говорится, вымолвить ни звука. Уходили они от моего мужа уже не теми, какими пришли, и на следующий день возвращались со смирением и пониманием своего места. И всегда — с новыми вопросами: теперь уже они не просто слушали, но буквально глотали его объяснения, как жаждущий — воду. И каждый раз то один, то другой из слушателей восклицал в восторге: «О! О!»...

Такой вот «оппозиционер» нашелся и на *брис мило* в Алма-Ате. Но он был единственным из более чем двухсот гостей. Стоит отметить, что даже местные богачи были изумлены его «дерзостью»: как он посмел делать замечания такому человеку во время его выступления!..

Он многое сумел...

В работе в общине мой муж всегда проводил собственную линию, независимую ни от кого. Сначала у него было немало противников, но со временем община сплотилась вокруг него, люди с большим уважением делали все, что он от них требовал.

В последние годы, когда на еврейскую улицу, как тогда говорили, пришла советская власть, жизнь начала угасать. Особенно это касалось религиозной деятельности, которая была практически полностью запрещена. Несмотря на это, мой муж сумел тогда сделать многое — как втайне, так и открыто. Он часто использовал в работе «пролетарский»¹⁹⁶ подход, и те, кто должен был ему мешать, ничего не могли с этим сделать, им приходилось просто закрывать глаза на его работу.

¹⁹⁵ *Битуль* — устранение собственного «я».

¹⁹⁶ Вероятно, имеется в виду, что р. Леви-Ицхок использовал советскую риторику. К примеру, общинную благотворительную деятельность можно было подать под видом «помощи бедным еврейским трудящимся» и т. п.

Хабадники и другие евреи

В Алма-Ате было тогда значительное количество евреев. Многие снимали комнаты в домах у казахов и устраивали там *миньяны* для молитвы. В будние дни и по Субботам людей обычно собиралось немного, в основном старики. В дни еврейских праздников и по Субботам, выпадавшим на государственные дни отдыха (годовщина революции, Первое мая и т. п.), молодежь также украдкой пробиралась в синагогу помолиться.

Среди молящихся были как хабадники, так и евреи, относящиеся к другим направлениям. Возникавшие нередко споры не уступали по накалу тем, что в свое время происходили между Алтер Ребе и Виленским гаоном, хотя спорщики, конечно, не достигали уровня того или другого.

В Субботу накануне второго нисана¹⁹⁷ *габай* синагоги объявил, что сегодня к Торе будут вызваны только любавичские хасиды¹⁹⁸. Тут же, естественно, появились противники такого решения, отношения между молящимися утратили всякую дружелюбность, стали припоминать друг другу все прошлые споры и обиды...

Когда в город приехал мой муж, хасиды приложили усилия, чтобы это событие осталось в тайне от тех, с кем они враждовали. Однако многие его увидели в Субботу на молитве и, естественно, подошли познакомиться. Среди них были и те, кто с уважением относился к *талмидей хахомим*. Они отметили, что много слышали о Шнеерсоне, и им было бы интересно пообщаться с ним: нельзя допустить, чтобы «монополия» на него была только у одной группы евреев!

¹⁹⁷ 2 нисана — *йорцайт* пятого Любавичского Ребе рабби Шолома-Довбера Шнеерсона (Ребе Рашаба). См. также 4-й выпуск «Воспоминаний».

¹⁹⁸ См. письмо Ребе Раяца от 5 адара I 5681 года, незадолго до первой годовщины со дня ухода из нашего мира его отца, Ребе Рашаба («Игройс койдеш Адмур га-Раяц», ч. 1, стр. 141): «В Субботу, которая предшествует [2 нисана], стараются получить *алию* к Торе».